

Научная статья

УДК 347.12

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.94-107

Объекты гражданских прав: проблема технологической нейтральности законодателя

**Владимир Анатольевич Болдырев¹,
Сергей Николаевич Шишкин²**

^{1, 2} Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация

¹ vabold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1454-6886>

² sergey.n.shishkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5347-5267>

Аннотация

Введение. Острота проблемы технологической нейтральности законодательства обусловлена трудностями прогнозирования негативных последствий использования технологий на этапе освоения и сложностью осуществления социального контроля на этапе их широкого распространения, необходимостью создания таких правовых режимов, при которых объекты гражданских прав – товары, работы и услуги – будут конкурентоспособными.

Теоретические основы. Методы. Проанализированы научные работы об обеспечении технологической нейтральности в функционировании информационных систем при использовании радиочастотного спектра, оказании аудиовизуальных услуг. Наблюдение за состоянием правоприменительных актов позволило констатировать редкое использование категории юрисдикционными органами. Методы формальной логики, догматический и сравнительный методы, моделирование позволили сделать выводы относительно перспектив использования концепта.

Результаты исследования. Нормативное правовое и нормативное техническое регулирование – важнейшие инструменты, позволяющие стимулировать использование современных технологий. Введение в процедурный закон, регулирующий государственную регистрацию недвижимости, правил об электронной цифровой подписи, а в процессуальные законы – норм об использовании видео-конференц-связи и электронных сервисов для подачи документов стимулировало применение соответствующих технологий не только органами публичной власти, но и гражданами. Устанавливая требования к объектам гражданских прав, которые находятся в обороте, в том числе к сфере контрактной системы, призванной удовлетворять нужды публично-правовых образований, государство стремится обеспечить приемлемый уровень технологической нейтральности решений.

Обсуждение и заключение. Содержание многих современных правовых норм и институтов свидетельствует, что законодателю следует систематически отходить от идеи технологической нейтральности для защиты интересов граждан. Свидетельством тому являются нормы о возмещении вреда, причиненного источниками повышенной опасности, о страховании гражданской ответствен-

ности владельцев транспортных средств, а также институт патентного права. Технологическая нейтральность – категория, использование которой в нормативных правовых и технического характера актах широкого значения нельзя приветствовать, и одновременно это концепт, использование которого в период разработки технических норм обоснованно.

Ключевые слова: гражданское право, инновации, техническое регулирование, информационные технологии, электронная цифровая подпись, сертификация, источник повышенной опасности, контрактная система, промышленная собственность, интеллектуальная собственность

Для цитирования: Болдырев В. А., Шишкин С. Н. Объекты гражданских прав: проблема технологической нейтральности законодателя // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 4. С. 94–107. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.94-107.

Original article

Objects of Civil Rights: the Problem of Technological Neutrality of the Legislator

Vladimir A. Boldyrev¹, Sergey N. Shishkin²

^{1, 2}*North-Western Branch, Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *vabold@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1454-6886>*

² *sergey.n.shishkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5347-5267>*

Abstract

Introduction. The severity of the problem of technological neutrality of legislation is due to the difficulties of predicting the negative consequences of the use of technologies at the stage of development and the complexity of implementing social control at the stage of their widespread dissemination, the need to create such legal regimes under which the objects of civil rights – goods, works and services – will be competitive. **Theoretical Basis. Methods.** Scientific works on ensuring technological neutrality in the functioning of information systems, when using the radio frequency spectrum, and the provision of audiovisual services are analyzed. Monitoring the state of law enforcement acts allowed us to note the rare use of the category by jurisdictional authorities. Methods of formal logic, dogmatic and comparative methods, modeling – made it possible to draw conclusions regarding the prospects for using the concept.

Results. Regulatory legal and regulatory technical regulation are the most important tools to stimulate the use of modern technologies. The introduction of rules on electronic digital signatures into the procedural law regulating the state registration of real estate, and into the procedural laws – rules on the use of video conferencing and electronic services for filing documents – stimulated the use of relevant technologies not only by public authorities, but also by citizens. By establishing requirements for objects of civil rights that are in circulation, including the sphere of the contract system designed to meet the needs of public legal entities, the state strives to ensure an acceptable level of technological neutrality of solutions.

Discussion and Conclusion. The content of many modern legal norms and institutions indicates that the legislator should systematically move away from the idea of tech-

nological neutrality in order to protect the interests of citizens. Evidence of this is the rules on compensation for damage caused by sources of increased danger, insurance of civil liability of vehicle owners, and the institution of patent law. Technological neutrality is a category, the use of which in regulatory legal and technical acts of broad significance cannot be welcomed, and at the same time it is a concept, the use of which during the development of technical standards is justified.

Keywords: civil law, innovation, technical regulation, information technology, electronic digital signature, certification, source of increased danger, contract system, industrial property, intellectual property

For citation: Boldyrev, V. A., Shishkin, S. N., 2024. Objects of civil rights: the problem of technological neutrality of the legislator. *Pravosudie/Justice*, 6(4), pp. 94–107. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.4.94-107.

Введение

Вопрос о технологической нейтральности законодательства в эпоху информатизации и цифровизации стоит особенно остро. Трудности прогнозирования негативных последствий использования новых технологий в процессе их освоения и сложности осуществления социального контроля на этапе широкого распространения приводят к тому, что зачастую осознавать суть обозначившейся проблемы и бороться с ней приходится одновременно. Научный прогресс приносил и приносит человечеству не только пользу, но и множество проблем. Сама борьба с негативными последствиями научного прогресса нередко становится новой проблемой.

Ученые и практики социально-гуманитарного профиля, а также специалисты в области технических и естественно-научных дисциплин имеют существенно различающиеся методологические подходы к решению стоящих перед ними задач. Вопрос о едином понимании используемой терминологии оказывается особенно болезненным для первых, а значит, и для правоведов как представителей социальных наук. Полемика, ставшая следствием отсутствия договоренности о значениях используемых терминов, не является редкостью в кругу ученых, занимающихся проблематикой нормативного правового и технического регулирования.

Граница между областями правового и технического регулирования очень тонка и не всегда понимается однозначно российскими судами. О технологической нейтральности законодателя в научных публикациях говорят, как правило, опуская то обстоятельство, что происходит обсуждение не столько норм правовых, сколько технических. Как видится, такому положению дел во многом способствовал состоявшийся переход технического регулирования на самый высокий государственный – законодательный – уровень, а в ряде случаев и на межгосударственный – уровень международных договоров.

Рассуждая о цифровых экспериментах законодателя, Л. В. Санникова сообщает: «Ошибка российского законодателя – излишняя приверженность принципу технологической нейтральности законодательства» [Санникова, Л. В., 2019, с. 87]. Автор подчеркивает при этом, что «многие отрасли законодательства появились именно благодаря новым технологиям, например транспортное законодательство» [Санникова, Л. В., 2019, с. 87].

Добавим: многие социальные науки и учебные курсы являются следствием развития технологий. Наука информационного права могла появиться только на основе развивающихся представлений об информации и ее обработке, а значит, на основе достижений естественных и технических наук. Пытаясь разгадать, что такое информация, находясь в состоянии поиска, общество научилось генерировать правовые нормы, регулирующие отношения между лицами, ею обладающими. Так и проблеме технологической нейтральности нормотворческой деятельности в разных сферах оказалось возможно обсуждать в отсутствие договоренностей о точном значении соответствующей категории.

Результаты исследования

Применительно к **функционированию информационных систем** существует позиция, предложенная коллективом исследователей, согласно которой принцип технологической нейтральности необходимо сформулировать на законодательном уровне [Жарова, А. К., и др., 2012, с. 31]. Не оспаривая принципиальную возможность такого определения для конкретной области человеческих знаний или хозяйственной сферы, зададимся вопросом об эффективности такого решения. Границы явления, которые должны быть отражены в определении, можно понять, исходя из видения авторами сделанного предложения тех задач, которые связаны с реализацией принципа, а ими являются: 1) недопущение ограничения конкуренции по признакам происхождения, способа разработки и модели лицензирования; 2) защита интеллектуальной собственности заказчиков и поставщиков аппаратно-программных решений; 3) содействие в установлении отраслевых, национальных и международных стандартов в области информационных технологий; 4) содействие открытости и готовности информационных систем к взаимодействию [Жарова, А. К., и др., 2012, с. 26].

Очевидно, что столь широкий спектр разнонаправленных задач делает легальную дефиницию крайне затруднительной.

Уже сегодня один из закрепленных принципов регулирования информационной среды – это недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем не установлена федеральными законами¹. Российский законодатель в данном случае не оперирует термином «технологическая нейтральность», но существующей формулировки вполне достаточно, поскольку создание особой терминосистемы должно иметь практическую цель.

Некоторые авторы предлагают разделять технологическую и сетевую нейтральность, указывая, что первая является интегральным критерием качества телекоммуникационного законодательства и практики его при-

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (п. 8 ст. 3) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

менения, а вторая индексирует величину и качественные параметры потребительского удовлетворения в результате оказания телематических услуг по доступу к сети «Интернет» [Даниленков, А., 2016, с. 66]. Возможно, описание некоторых проблем, относящихся к области передачи информации на дистанцию, имеет смысл в специальных терминах. Другое дело – нужна ли эта терминология в нормативных актах? Как видится, далеко не всегда: выделение технологической и сетевой нейтральности в позитивном праве не имеет смысла даже для конкретной области регулирования, однако это не препятствует использованию соответствующих концептов при обсуждении имеющихся проблем.

Смежная область, в которой публикации и исходящие от официальных органов документы показывают технологическую нейтральность, – это **использование радиочастотного спектра**. Как отмечают Ю. А. Домбровский и В. А. Левчик, за рубежом технологическая нейтральность использования радиочастотного спектра означает для оператора возможность в пределах выделенной полосы радиочастот выбрать радиотехнологию или сменить ее на новую без специального разрешения национального регулятора [Домбровский, Ю. А., Левчик, В. А., 2012, с. 66]. В данном случае принцип технологической нейтральности понимается специфическим образом: от регулирования частотного диапазона никто не отказывается, свобода предоставляется лишь технологиям, действующим внутри разрешенных частот.

В различных сферах общественной и экономической жизни к рассматриваемому явлению относятся по-разному. Как отмечает О. В. Бирюкова, изучающая проблематику международно-правового регулирования отношений, связанных с **оказанием аудиовизуальных услуг**, понимание технологической нейтральности зависит от контекста: в каждом конкретном случае приходится определять, идет ли речь о руководящем принципе, обязательном правиле или одном из вариантов оценки ситуации [Бирюкова, О. В., 2023, с. 112].

Технологическая нейтральность упоминается в отдельных российских официальных актах. Так, одним из принципов климатической политики, называемых в п. 22 Климатической доктрины Российской Федерации², является технологическая нейтральность государственных мер в области климата. Лицензионный договор, заключаемый в рамках эксперимента по предоставлению права использования программ для электронных вычислительных машин, алгоритмов, баз данных и документации к ним на условиях открытой лицензии³, должен соответствовать критерию технологической нейтральности.

² Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 44. Ст. 7865.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 1804 «О проведении эксперимента по предоставлению права использования программ для электронных вычислительных машин, алгоритмов, баз данных и документации к ним, в том числе исключительное право на которые принадле-

Гиганты рынка информационных технологий – производители микропроцессоров и собранных на их основе компьютеров, разработчики операционных систем, использование которых предопределяет выбор других программных продуктов, электронные торговые площадки – устанавливают правила игры в данной сфере в большей мере, нежели многие государства. Бюджеты соответствующих компаний оказываются сравнимыми с бюджетами небольших и средних государств [Хусаинов, Б. Д., 2013, с. 15].

Не только масштабы производства, организуемого многими современными компаниями, но и размеры торговых сетей, а также уровень охвата населения услугами различных агрегаторов информации делают разговоры о технологической нейтральности напоминающими обсуждение романтических произведений. Начать такое обсуждение иногда может и «созревший» монополист, стремящийся укрепить свое положение на рынке и видящий в нормировании дискриминацию, а в мерах, направленных на защиту потребителей, – наступление на свободу предпринимательства. Технологическая нейтральность может быть идеей, объединяющей ученых, инженеров и программистов разных стран, а может быть и просто красивым лозунгом, скрывающим свершившийся, но чаще – готовящийся передел рынка.

Нормативное правовое и нормативное техническое регулирование – важнейшие инструменты, позволяющие государству стимулировать использование современных технологий. Введение в процедурный закон, регулирующий государственную регистрацию недвижимости, правил об электронной цифровой подписи, а в процессуальные законы – норм об использовании видео-конференц-связи и электронных сервисов для подачи документов стимулировало применение соответствующих информационных технологий не только органами публичной власти, но и гражданами.

Концептуально определяя необходимость введения новых правовых или технических норм, государство сталкивается с проблемой согласования юридически желаемого и технологически достижимого. Опыт специалистов в области социальных наук приходится объединять с опытом технических специалистов в надежде на получение оптимального «нормативного продукта». Конечно, нельзя отрицать и важность сознательного поведения участников соответствующих отношений за рамками установленных норм, а значит, большое значение саморегулирования в данной сфере [Шахназаров, Б. А., 2021, с. 129].

Прямо связан с проблемой технологической нейтральности вопрос о системе технического регулирования в России. Сертификация как форма подтверждения соответствия объектов требованиям технических регламентов, документам по стандартизации или условиям договоров⁴ самой

жит Российской Федерации, на условиях открытой лицензии и созданию условий для использования открытого программного обеспечения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 42. Ст. 7183.

⁴ Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (ст. 2) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

своей сутью опровергает идею о нейтральности технического регулирования. Возможность устанавливать требования, которым должны соответствовать имущество, работы или услуги – объекты гражданских прав, названные в ст. 128 ГК РФ, делает нелогичными рассуждения о технологической нейтральности как обязательном условии или как о необходимом свойстве норм. Устанавливая требования к объектам гражданских прав, которые находятся в обороте, нормотворец должен стремиться обеспечить приемлемый уровень технологической нейтральности решений.

Существование процесса стандартизации, использование в российском законодательстве таких категорий, как «региональный стандарт», «стандарт иностранного государства», позволяет констатировать: стремление упорядочить промышленное производство, обезопасив граждан и общество от действия вредных и опасных факторов, неизбежно порождает ограничения используемых технологий.

О какой бы сфере мы ни говорили – о собственно создании (промышленном производстве) или обороте объектов гражданских прав, проблема технологической нейтральности может получать собственное (ad hoc) смысловое наполнение в ходе общественного или профессионального обсуждения.

Мы предположили, что вопрос о технологической нейтральности тех или иных объектов гражданских прав должен иметь прямое отношение к области защиты конкуренции, и воспользовались поисковой системой Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (ФАС России) «База решений и правовых актов»⁵ для подтверждения или опровержения выдвинутой гипотезы. Ни одного правоприменительного документа ФАС России, содержащего слова «технологическая нейтральность», поисковая система не обнаружила.

Поиск слова «нейтральность» (не в составе словосочетания) дал результат в виде единственного решения антимонопольного органа, направленного на защиту интересов участников контрактной системы в связи с установлением необоснованных требований к закупаемому на электронном аукционе лекарственному препарату⁶. В решении антимонопольного органа мы нашли отсылку к норме п. 1 ч. 1 ст. 33 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁷, в которой установлено, что описание объекта закупки должно содержать его функциональные, технические и качественные характеристики, эксплуатационные характеристики. Значит, проблема технологической нейтральности оказалась затронута обсуждаемым решением, но без использования соответствующей категории. В описание объекта закупки не должны включаться требования или указания в отношении товарных знаков, знаков об-

⁵ URL: <https://br.fas.gov.ru/> (дата обращения: 14.03.2024).

⁶ Решение Комиссии Управления Федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области по контролю в сфере закупок от 23 марта 2016 г. №08-01-66. URL: <https://br.fas.gov.ru/to/novosibirskoe-ufas-rossii/08-01-66-e27b35b1-70c9-4d92-9490-31da5eb58c1c/> (дата обращения: 14.03.2024).

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

служивания, фирменных наименований, патентов, полезных моделей, промышленных образцов, наименование страны происхождения товара, требования к товарам, информации, работам, услугам при условии, что такие требования или указания влекут за собой ограничение количества участников закупки. Однако на сегодняшний день допускается использование в описании объекта закупки указания на товарный знак, если имеется сопровождение такого указания словами «или эквивалент»⁸. Иными словами, законодателю понятно, что указание товара с конкретным производителем или точными параметрами может оказаться более прозрачным маркером объекта гражданских прав, стимулирующим к участию потенциальных участников закупок. Действительно, нейтральность и абстрактность формулировок могут препятствовать пониманию информации человеком, поскольку наше мышление отличается от компьютерного анализа данных.

«Многие споры в современном обществе, где технологии быстро меняются и господствует неопределенность, все труднее разрешить и урегулировать из-за жесткости и формальности традиционных договоров», – справедливо отмечает Е. Е. Романова [Романова, Е. Е., 2023, с. 185–186]. Похожая ситуация наблюдается в любых областях, где выработка консенсуса сопряжена с необходимостью изучения подлинных интересов и выражаемого мнения большого количества участников общественных отношений. Можно ли картину изменений законодательства, относящегося к одной из областей гражданского оборота (к контрактной системе), описать, ссылаясь на то, что строгость требований о технологической нейтральности объектов в гражданском обороте становится ниже? Наверное, такая характеристика будет доступна, легка для понимания человека, но она же будет и существенным упрощением ситуации. Правильнее сказать, что разработчики законодательства о госзакупках понимали изначально, а с течением времени пришло полное осознание того, что речь о технологической нейтральности в законе вестись не должна, ибо эта формулировка стала бы воплощением идеалистических установок в позитивном праве, которые способны привести к кризису правоприменения.

Обсуждение и заключение

Ни производство, ни оборот объектов гражданских прав не могут зиждиться на идее полной технологической нейтральности. Содержание многих норм современного гражданского законодательства и практика их применения являются хорошим доказательством того, что «технологическая предвзятость» вполне допустима. Нередко готовность общества и государства поддерживать гуманистические идеи вступает в конфликт с существующим уровнем технологической нейтральности. Свидетельством тому является история деликтных и страховых обязательств в России, а также содержание действующих норм права интеллектуальной собственности.

⁸ Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 18. Ст. 3231.

Юридическое учение об источнике повышенной опасности стало следствием развития в Европе XIX в. железнодорожного транспорта: «Железные дороги – самые первые по времени возникновения источники повышенной опасности» [Шлеинов, А. А., 2017]. В ГК РСФСР 1922 г.⁹ содержалась норма об обязанности возместить вред, причиненный таким источником, при этом норма носила универсальный характер. По мере того как степень распространенности тех или иных видов источников повышенной опасности меняется, меняется и содержание позитивного права. В дополнение к установлению строгой ответственности владельца источника повышенной опасности российским законодателем спустя восемь десятилетий приняты нормы, предусматривающие обязанность страховать ответственность за причинение вреда¹⁰. Влияние технического прогресса на позитивное право определяется не столько моментом первого появления новшества, сколько его распространением, доступностью для населения.

Тезис о необходимости соблюдения законодателем принципа технологической нейтральности может быть поставлен под сомнение ввиду того, что сами технологии отнюдь не нейтральны к человеку. Весьма категоричен в этом вопросе В. А. Емелин: «Высказывания о том, что сами по себе технологии не хорошие и не плохие, а их ценность определяется тем, какое они получают применение, являются глубоким заблуждением» [Емелин, В. А., 2013, с. 66]. Автор прав, свидетельством тому являются когнитивные последствия цифровизации. О необходимости осторожного отношения к цифровым технологиям и особенно к использованию искусственного интеллекта написано довольно много [Архипов, В. В., Наумов, В. Б., Смирнова, К. М., 2021, с. 895; Брызгалина, Е. В., 2021, с. 10; Шишкин, С. Н., 2021; Болдырев, В. А., Новоселова, А. А., 2022]. Однако вопросы о том, как долго законодатель может не упоминать новой технологии, полагая, что само упоминание способно сделать общественные отношения менее гармоничными, искусственно стимулированными, какие временные критерии могут быть полезны для определения продолжительности соответствующего срока, пока не получили ответов. Более того, на должном уровне, как нам видится, эти вопросы еще не сформулированы. Между тем предпосылки для правильной их постановки есть: в нужном направлении нас ориентируют нормы права интеллектуальной собственности, в частности патентного права.

В силу п. 1363 ГК РФ исключительное право на изобретение, полезную модель, промышленный образец и удостоверяющий это право патент действуют с даты подачи заявки на выдачу патента в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности: двадцать лет – для изобретений, десять лет – для полезных моделей, пять лет – для про-

⁹ Гражданский кодекс РСФСР, введенный в действие постановлением Всесоюзного Центрального исполнительного комитета от 11 ноября 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

¹⁰ Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 18. Ст. 1720.

мысленных образцов. Возможность и необходимость коммерциализации проведенных исследований с целью создания дополнительных стимулов для ученых, инженеров и организаторов их деятельности, живущих в обществе потребления, а значит, и подчиняющихся его правилам и установкам, признаются российским законодателем. Показательно, что при этом правотворец разумно сдерживает прогресс. Необходимость принятия во внимание интересов всех участников общественных отношений – разработчиков технологий, лиц, их воспроизводящих и потребляющих, – оказывается фактором, замедляющим массовое тиражирование продуктов современной научной и инженерной мысли. Побочным, но чрезвычайно важным эффектом такого сдерживания является и возможность разглядеть негативные последствия инноваций.

Возможность искусственного нормативного «откладывания» научно-технического прогресса в определенном направлении человеческой деятельности на конкретный, установленный законом срок проверена временем. Полагаем, что использование в нормативных правовых актах, и особенно федеральных законах, терминов для обозначения конкретных технологий или их описаний целесообразно лишь после проверки временем, сопоставимым со сроком действия патента на изобретение. Данный вывод не означает, что правотворец не может или не должен оперативно ограничивать применение технологий, если существуют очевидные риски для потребителей или социума. При появлении в поле зрения экспертов очевидных или вероятных угроз безопасности граждан и общества соответствующие ограничения и запреты следует вводить. Иное дело со стимулированием использования технологии, например, путем упоминания самой возможности ее применения в законе [Болдырев, В. А., 2022, с. 50].

Сегодня очевидно, что принятие того или иного варианта поведения как продуктивного и безопасного во многом основано на наблюдениях, на подражательном поведении – разумном копировании образцов поведения, основанных на эволюционном опыте [Дубынин, В. А., 2022, с. 49]. Предложение о «выдержке» технологии, ее проверке на предмет необходимости легализации – прямого упоминания или описания в законе – носит методологическое значение и не может рассматриваться как требующее нормативного закрепления.

Ввиду отсутствия единства в международном опыте регулирования общественных отношений Д. И. Провалинский считает, что «...в цифровом пространстве следует сдержанно воспринимать любой, в том числе кажущийся на первый взгляд удачным, зарубежный опыт» [Провалинский, Д. И., 2023, с. 52]. Думается, что многие из существующих наработок в области регулирования общественных отношений окажутся малоприспособленными для цифрового мира. Более того, теоретическое деление общеобязательных норм на правовые и технические, о котором мы говорили выше, сегодня не до конца отражает суть произошедших изменений – глубокой конвергенции (взаимного проникновения, слияния) общества и цифрового мира, появления техно-социального организма, функционирование которого может быть эффективным при условии согласованной работы специалистов в области юриспруденции, информатики и когнитивной психологии.

Публичное упоминание о технологической нейтральности как принципе регулирования новой или реформирования старой системы отношений может быть средством сохранить или поменять отдельные устоявшиеся подходы. Технологическая нейтральность – категория, использование которой в нормативных правовых или технических актах широкого значения нельзя приветствовать. Однако это удачный концепт, использование которого в период разработки норм обоснованно. Интуитивное понимание сути концепта, его ядра достаточно для ведения техническими специалистами конструктивной полемики. Они вправе договариваться о значениях категорий в целях обсуждения существующих идей. Упоминание технологической нейтральности в нормативных правовых или технических актах специального назначения принципиально возможно, но не должно рассматриваться как позволяющее решать существующие проблемы правоприменения самим фактом использования соответствующей категории.

Список источников

Архипов В. В., Наумов В. Б., Смирнова К. М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 4. С. 882–906. DOI: 10.21638/spbu14.2021.405.

Бирюкова О. В. Почему многосторонний подход к регулированию аудиовизуальных услуг сдает позиции в ВТО // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18, № 1. С. 107–126. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-01-04.

Болдырев В. А. Период технологической нейтральности законодателя и цифровые технологии // Правосудие на современном этапе. Новые вызовы времени : сб. материалов национальной науч.-практ. конф., Чита, 21 сент. 2022 г. Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2022. С. 47–50. ISBN: 978-5-9293-3118-3.

Болдырев В. А., Новоселова А. А. Имущественные комплексы и цифровые технологии: направления и границы совершенствования публичных реестров // Правовые вопросы недвижимости. 2022. № 1. С. 3–9.

Брызгалина Е. В. Искусственный интеллект в образовании. Анализ целей внедрения // Человек. 2021. Т. 2, № 2. С. 9–29. DOI: 10.31857/S023620070014856-8.

Даниленков А. Сетевая нейтральность как принцип российского интернет-права, средства и способы обеспечения сетевой нейтральности // Хозяйство и право. 2016. № 8 (475). С. 59–69.

Домбровский Ю. А., Левчик В. А. Технологическая нейтральность использования радиочастотного спектра в России // Экономические стратегии. 2012. Т. 14, № 9 (107). С. 66–69.

Дубынин В. А. Мозг и его потребности: От питания до признания. М. : Альпина нон-фикшн, 2022. 572 с. ISBN: 978-5-00139-764-9.

Емелин В. А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 62–70. DOI: 2079-6617/2013.0108.

Жарова А. К., Гутникова А. С., Мальцева С. В., Елин В. М. Законодательная поддержка принципа технологической нейтральности в информационных системах // Бизнес-информатика. 2012. № 4 (22). С. 25–32.

Провалинский Д. И. Правовой статус личности в цифровом пространстве // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 38–53. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.38-53.

Романова Е. Е. Международная ответственность за нарушение «права ВТО»: функции Органа по разрешению споров ВТО // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 3. С. 171–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.3.171-192.

Санникова Л. В. Цифровые эксперименты российского законодателя // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12 (219). С. 80–89.

Хусаинов Б. Д. Транснациональные корпорации и национальные экономики: сравнительный анализ развития // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2013. № 4 (6). С. 15–21.

Шахназаров Б. А. Право и информационные технологии в современных условиях глобализации // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 1 (170). С. 118–134. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.118-134.

Шишкин С. Н. О некоторых основных началах цифрового права // Бизнес, Менеджмент и Право. 2021. № 2 (50). С. 9–12.

Шлеинов А. А. История института источника повышенной опасности // Научные исследования. 2017. № 8 (19). С. 32–36.

References

Arkhipov, V. V., Naumov, V. B., Smirnova, K. M., 2021. The limits of automatic decision-making based on artificial intelligence in cases that have legal significance. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 4, pp. 882–906. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu14.2021.405.

Biryukova, O. V., 2023. Why is multilateralism losing ground in audiovisual services in the WTO? *International Organisations Research Journal*, 18(1), pp. 107–126. (In Engl. and Russ.) DOI: 10.17323/1996-7845-2023-01-04.

Boldyrev, V. A., 2022. [The period of technological neutrality of the legislator and digital technologies]. *Pravosudie na sovremennom etape. Novye vyzovy vremeni* = [Justice at the present stage. New challenges of the time]. Collection of materials from the national scientific and practical conference, Chita, September 21. Chita: Transbaikal State University. Pp. 47–50. (In Russ.) ISBN: 978-5-9293-3118-3.

- Boldyrev, V. A., Novoselova, A. A., 2022. Property complexes and digital technologies: public register improvement areas and limits. *Legal Issues of Real Estate*, 1, pp. 3–9. (In Russ.)
- Bryzgalina, E. V., 2021. [Artificial intelligence in education. Analysis of implementation goals]. *Chelovek* = [Human], 32(2), pp. 9–29. (In Russ.) DOI: 10.31857/S023620070014856-8.
- Danilenkov, A., 2016. [Network neutrality as a principle of Russian Internet law, means and methods of ensuring network neutrality]. *Khozyajstvo i pravo* = [Economy and Law], 8, pp. 59–69. (In Russ.)
- Dombrovsky, Yu. A., Levchik, V. A., 2012. [Technological neutrality of the use of the radio frequency spectrum in Russia]. *Ekonomicheskie strategii* = [Economic Strategies], 14(9), pp. 66–69. (In Russ.)
- Dubynin, V. A., 2022. *Mozg i ego potrebnosti: Ot pitaniya do priznaniya* = [The brain and its needs: from nutrition to acknowledgment]. Moscow: Alpina non-fiction. 572 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00139-764-9.
- Emelin, V. A., 2013. [Cyborgization and disability of technologically extended human]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* = [National Psychological Journal], 1, pp. 62–70. (In Russ.) DOI: 2079-6617/2013.0108.
- Khusainov, B. D., 2013. [Transnational corporations and national economy: comparative analysis of development]. *Vestnik UGUES. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Ser.: Ekonomika* = [Bulletin of UGUES. Science, Education, Economics. Series: Economics], 4, pp. 15–21. (In Russ.)
- Provalinsky, D. I., 2023. Legal status of the person in the digital space. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 38–53. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.38-53.
- Romanova, E. E., 2023. International liability for violation of “WTO rights”: functions of the WTO Dispute Settlement Body. *Pravosudie/Justice*, 5(3), pp. 171–192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.3.171-192.
- Sannikova, L. V., 2019. [Digital experiments of the Russian legislator]. *Tsifrovye eksperimenty rossijskogo zakonodatelya* = [Property Relations in the Russian Federation], 12, pp. 80–89. (In Russ.)
- Shakhnazarov, B. A., 2021. [Law and information technologies in modern conditions of globalization]. *Lex Russica*, 74(1), pp. 118–134. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.118-134. (In Russ.)
- Shishkin, S. N., 2021. [On some basic principles of digital law]. *Biznes, Menedzhment i Pravo* = [Business, Management and Law], 2, pp. 9–12. (In Russ.)
- Shleininov, A. A., 2017. [History of the Institute of a Source of Increased Danger]. *Nauchnye issledovaniya* = [Scientific Research], 8, pp. 32–36. (In Russ.)
- Zharova, A., Gutnikova, A., Maltseva, S., Elin, V., 2012. [Legislative support for the principle of technological neutrality in information systems]. *Biznes-informatika* = [Business Informatics], 4, pp. 25–32. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Болдырев Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).

Vladimir A. Boldyrev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, North-West Branch, Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

ORCID: 0000-0002-1454-6886

Шишкин Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).

Sergey N. Shishkin, Dr. Sci. (Law), Professor of the Civil Law Department, North-West Branch, Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

ORCID: 0000-0002-5347-5267

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы в равной мере участвовали в определении концепции исследования, его проведении и подготовке выводов.

The authors were equally involved in defining the study concept, conducting it, and drawing conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 08.10.2024.

The article was submitted 24.03.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 08.10.2024.